

Лесной ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР

Очерки петербургского
предместья

Коллектив авторов Лесной: исчезнувший мир. Очерки петербургского предместья

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=646055

Лесной. Исчезнувший мир. Очерки петербургского предместья:

Центрполиграф; М.; 2011

ISBN 978-5-227-02714-6

Аннотация

Время неумолимо. Мир Лесного ушел в прошлое, за редким исключением исчез практически безвозвратно. Ныне старый Лесной существует разве что отдельными островками в море стандартной кирпичной и панельной застройки. Тем ценнее эта книга – книга о домах, улицах и прежде всего о людях, живших здесь. Читатель найдет на страницах настоящего издания немало имен живших здесь выдающихся людей, узнает об их судьбах, порой уводивших далеко от родных кленов и акаций. Без этого «человеческого фактора» история Лесного была бы не то что неполной – немыслимой.

Содержание

Предисловие	4
Улицы, дома, люди...	4
Культурный феномен	12
ЧАСТЬ I	19
ИЗ ДНЕВНИКА РАЗНЫХ ЛЕТ	19
ВОСПОМИНАНИЯ О РОДСТВЕННИКАХ И	41
ДРУЗЬЯХ, О НАШЕЙ ЖИЗНИ В ЛЕСНОМ	
Дом и двор	42
Дед Эрнст и бабушка Мария	67
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Коллектив авторов Лесной. Исчезнувший мир. Очерки петербургского предместья

Предисловие

Улицы, дома, люди...

Илья Фоняков

«...Хорошо помню старый, дачный Лесной – деревянный, резной, в основном двухэтажный, с разноцветными стеклами в верандах, с крышами, украшенными башенками, со всевозможными декоративными затеями из дерева и кирпича, с „парадными“ и „черными“ входами в дома, с крылечками под козырьком, который подпирался резными деревянными столбиками, с деревянными скамьями внутри крыльца», – с трогательной ностальгией пишет Надежда Васильевна Сидорова, один из авторов этой книги.

Пожалуй, и я могу припомнить такой Лесной, хотя никогда не жил там, но бывал много, начиная еще с довоенного

детства. Помню, как было объявлено однажды, что завтра мы едем в Лесной – в гости к одному из дальних родственников. Я невольно озадачился: Лесной – что это такое? Есть прилагательное, а где же существительное? Если оно подразумевается, то какое: поселок? Городок? Квартал? «Нет, просто Лесной», – отвечали мне. Не помогло и разъяснение, что там издавна находится Лесной институт, позднее названный Лесотехнической академией: ведь не в институте же, не в академии обитает наш родственник!

Вот так, исподволь, стало складываться представление о Лесном, как о чем-то необычном, особенном в нашем городе. И дальнейшее близкое знакомство это вполне подтвердило. Это был город – и в то же время загород, пригород. На его зеленых улицах можно было встретить своеобразные, порой причудливые постройки, часть их упоминается на страницах предлагаемой читателю книги: «дом с павлином», «китайская дача». К домам примыкали сады и огороды, многие – о том свидетельствуют авторы книги – держали коз, а то и коров. «Справа от нашего дома был свинарник», «а перед домом был сад, утопающий в сирени, с мраморным фонтаном», – вспоминает в своем письме Наталья Брызжева, ныне живущая в австралийском Сиднее. Навестив как-то в студенческие годы свою университетскую однокашницу Галину Кравченко (тоже одного из авторов и составителей нынешней книги), я застал ее в саду возле дома, срезающей свежие цветы для букета. В зеленых дворах дети играли в почти за-

бытые ныне игры: рюхи, крокет, штандер (к слову сказать, название этой игры с маленьким резиновым мячиком всегда занимало меня: уж не от польского ли «штандар» – «знамя» – оно происходит каким-то образом?).

В колоритную стихию лесновского «дачного модерна» на удивление органично вписывались образцы архитектурно-конструктивизма. Здесь оставили свой след выдающиеся зодчие советского времени: А.С. Никольский, Н.А. Троцкий.

Появились знаменитая «круглая баня», поликлиника, школа с куполом астрономической обсерватории на крыше (Первая средняя образцово-показательная, в дальнейшем школа № 102) – сейчас это здание занимает ВНИИ телевидения, а в летние месяцы послевоенного 1946 года там размещался пионерский лагерь, где и мне довелось провести целый месяц.

Не скажу, что этот месяц был идиллическим: ребята в тот голодноватый год подобрались довольно-таки разбойные. Кормили нас прилично, но чувство голода не проходило. И все-таки даже в ту нелегкую пору пребывание в Лесном оставило незабываемое впечатление: игры, прогулки, купание в озере, образовавшемся на месте песчаного карьера, восторженное – впервые в жизни! – наблюдение за взлетом и посадкой самолетов и даже прыжками парашютистов на близлежащем, ныне давно уже не существующем аэродроме...

При всем своем полусельском облике (сады-огороды, козы, коровы) Лесной был, как свидетельствуют авторы книги, своего рода интеллектуальным заповедником: два высших учебных заведения мирового класса – Политехнический институт и Лесотехническая академия – во многом определяли его атмосферу.

Читатель найдет на страницах настоящего издания немало имен живших здесь выдающихся ученых и педагогов, узнает об их судьбах, порой уводивших далеко от родных кленов и акаций. Без этого «человеческого фактора» история Лесного была бы не то что неполной – немыслимой.

Особо следует отметить роль Лесного в отечественной литературе. Вот несколько разрозненных фактов. В начале восьмидесятых годов девятнадцатого века где-то здесь помещалась редакция журнала «Полярная звезда». От знаменитого одноименного альманаха декабристов он был весьма далек не только во времени: издатель новой «Полярной звезды» Салиас (Е.А. Салиас-де Турнемир, 1840/42—1908) слыл отъявленным реакционером. Что и дало повод злоязычному поэту-сатирику Дмитрию Минаеву (1835–1889) сочинить в 1881 году балладу под названием «Заговор в Лесном». Далекая по тем временам петербургская окраина выглядела в ней весьма устрашающе:

*Здесь и там сугроб саженный,
Холод, глушь и тишина.*

*Запушились снегом елки...
Непробудно-поздний час...
В парке рыщут только волки
И издатель Салиас.*

Их-то, волков, и пригласил Салиас к сотрудничеству – чтобы «либералов всех кусать». Завершается баллада грозным предупреждением:

*Не советую на тройке,
Господа, скакать в Лесной:
Могут кончиться попойки
Там катастрофой одной.
Либералов вкусно мясо,
Нынче ж кто не либерал? —
Так что волки Салиаса
Вас съедят и – кончен бал.*

На страницах книги читатель найдет имена таких известных в свое время, а ныне забытых литераторов, как автор исторических романов и публицист Василий Брусянин (1867–1919), детская писательница Клавдия Лукашевич (1859–1937).

К.И. Чуковский в своих воспоминаниях оценивает ее творчество критически, приводит саркастический отзыв А.М. Горького о ее произведениях. Однако предлагаемая книга напоминает читателю, что именно Клавдия Владимировна написала в 1921 году А.В. Луначарскому о феноме-

нально одаренном двенадцатилетнем мальчике Мите Шостаковиче с просьбой обратить на него внимание и назначить необходимый паек, без которого «наш дорогой мальчик очень худ, бледен, в нем развивается усиленная нервозность и что всего страшнее – острое малокровие»...

В знаменитой пьесе времен Великой Отечественной войны «За тех, кто в море» известного советского писателя Бориса Лавренева (1891–1959) есть обаятельный образ женщины-врача Евгении Сергеевны Шабуниной. Здесь все подлинно – имя, отчество, фамилия, профессия. Доктор Е.С. Шабунина – представитель одной из славных династий лесновской интеллигенции – действительно существовала: Борис Лавренев еще в 1926 году лечился у нее в Мечниковской больнице от последствий ранения, полученного на Первой мировой войне, и впоследствии «перенес» свою героиню из двадцатых годов в сороковые. Евгения Сергеевна до этих лет дожила, продолжала работать, состояла с Лавреневым в переписке.

Наконец, уже на моей памяти, в пятидесятых годах, в зале Политехнического института проходили ежегодные вечера студенческой поэзии, с них (именно здесь, в Ленинграде, а не в Москве, как многим представляется) начинался общероссийский поэтический «бум» времен легендарной «оттепели». Лесной все еще считался далекой окраиной, куда добирались в переполненных трамваях, воспетых студентом-политехником Виктором Берлиным:

Влез.

А в вагоне – ни вдоха, ни выдоха.

Нет человека в лепешку не сжатого.

Но будешь летать

от входа до выхода,

Ломая чертеж

и ругая возжатого...

На этом собственно стих обрывая,

Хочется сказать такие слова:

Да здравствуют

наши

любимые трамваи:

Девять,

восемнадцать,

тридцать два!

Однако ни расстояния, ни давка в переполненных вагонах не останавливали любителей поэзии: зал бывал всегда переполнен. Газеты писали с удивлением: три часа звучат стихи – и никто из зала не уходит! Именно здесь вкусили свои первые «минуты славы» известные впоследствии поэты, а тогда студенты-горняки Александр Городницкий, Владимир Британишский. Леонид Агеев, «герценовец» Александр Кушнер и другие. У меня – тоже участника тогдашних вечеров, представлявшего Ленинградский университет, – сохранился сборник стихов, прочитанных на вечере 1954 года. Бледная, но вполне читаемая машинописная копия. По нынеш-

ним временам – драгоценность, раритет: тираж – единицы, ведь никаких компьютеров-принтеров тогда не было, да и не поощрялось, мягко говоря, неконтролируемое тиражирование чего бы то ни было...

Конечно, жизнь в Лесном отнюдь не была сплошной идиллией. Не миновали лесовцев ни послереволюционная разруха, ни сталинские репрессии, ни страшные лишения в годы войны и блокады. Об этом немало сказано в книге. Но, может быть, из всех блокадных страниц более всего врежется в память эпизод, рассказанный Галиной Федоровной Гариной: «Мама сама везла бабушку на кладбище, положив ее тело на простую огородную тачку. По пути на Пискаревку, по Большой Спасской улице ей повстречался отряд солдат.

– Мать, кого хоронишь? – спросил командир.

– Маму, – тихо ответила она.

И тогда командир поднял руку к козырьку фуражки, а вслед за ним и все бойцы, выстроившись в ряд, отдали честь. Вот так и похоронили бабушку – с воинскими почестями, как бойца, павшего на поле боя».

Время неумолимо. Ныне старый Лесной существует разве что отдельными островками в море стандартной кирпичной и панельной застройки. Тем ценнее эта книга – книга о домах, улицах и прежде всего о людях, живших здесь.

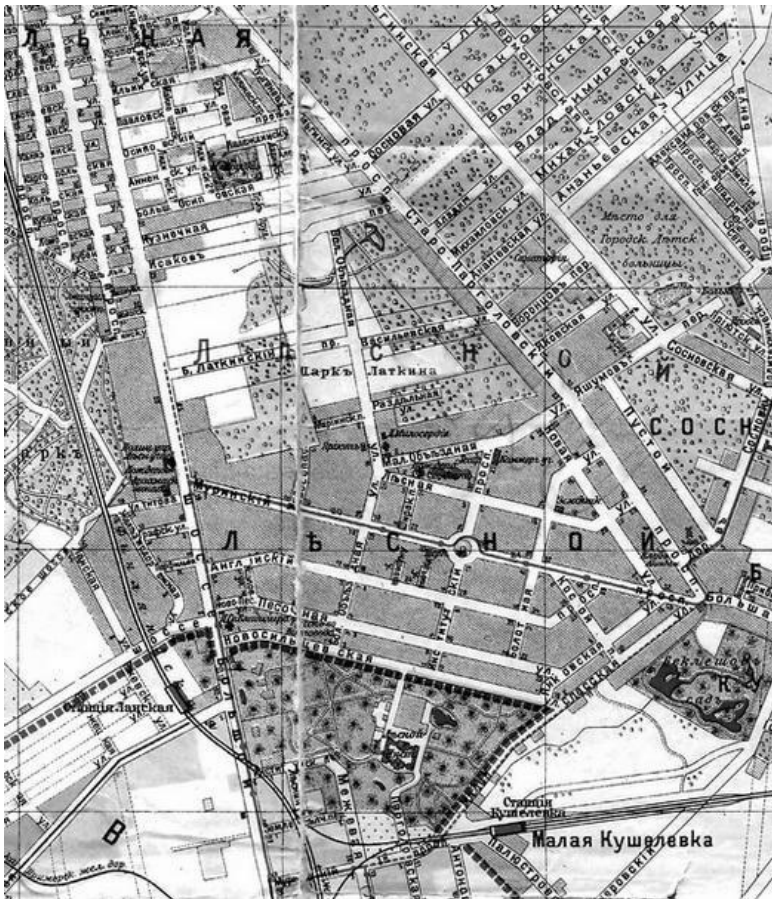
Культурный феномен

Сергей Глезеров

Эта книга продолжает целый ряд изданий, посвященных истории Лесного – уникальной местности, бывшей когда-то предместьем, затем окраиной и, наконец, ставшей в шестидесятых годах XX века густонаселенным районом города. Какими только эпитетами не награждали Лесной: и «самая здоровая местность», и «лучший дачный пригород», и «Петербургский Кембридж». Каждая из этих характеристик справедлива и отражает важную часть истории Лесного.

Однако теперь, в отличие от названий других исторических районов, Лесной как будто и сам ушел в историю. Сегодня можно услышать «живу на Гражданке», «живу в Озерках», но не говорят «живу в Лесном». Еще не поздно исправить эту несправедливость, вернуть в городской обиход понятие «Лесной». Сделать это можно только путем просветительской работы. И мы надеемся, что эта книга тоже послужит важному делу возвращения исторической памяти, сохранения преемственности...

Кстати, нам никак не обойтись без ответа на весьма немаловажный вопрос: как же все-таки правильно говорить – Лесной или Лесное? В большинстве дореволюционных справочников и путеводителей встречается написание «Лесной». В 1926 году Корней Чуковский в своем дневнике также упо-

На самом деле вопрос о правильном употреблении названия Лесного вовсе не является дискуссионным. У него есть только один верный ответ – Лесной. Как известно, это название произошло от Лесного корпуса (института). Мы имеем дело с переходом одной части речи в другую: прилагательное трансформировалось в существительное. В филологии этот процесс, весьма характерный для русского языка (вспомним слова «военный», «рабочий» и т. д.), называется субстантивацией.

Что же касается понятия «Лесное», то в нем нет исходного существительного. Оно образовано по типу названий «Ягодное», «Степное», то есть путем выделения обобщающего признака – особенности данной местности. В этом случае следовало бы полагать, что наше, петербургское «Лесное» получило свое название от признака местности – леса. А это уже серьезная ошибка, подмена понятий.

Почему же так важно точно определить: «Лесной» или «Лесное»? Один из авторов этой книги, Галина Всеволодовна Кравченко, так отвечает на этот вопрос: «С чего начинается Родина? С имени того места, где ты родился и вырос. Для меня это – Лесной. Он всегда был для меня важным, дорогим словом. С него начиналась моя Родина. Потерять это слово – значит потерять память о Родине»...

Лесной. Церковь Петра и Павла. Открытка начала XX в.

Впрочем, вернемся к самой книге. Она необычна во многих отношениях, поскольку в ней история местности раскрывается через рассказы ее жителей, причем зачастую не выдающихся деятелей, а самых простых, незначительных людей. Для истории они не менее дороги, чем великие личности.

В первую часть книги, «От первого лица», вошли авторские рассказы, во вторую, «Люди Лесного», – краеведческие очерки о родах и семействах. Самое раннее из воспоминаний относится к началу XX века, а самое позднее – к 60-м годам того же века. Эти полвека и для всей страны, и для Лес-

ного стали огромной исторической дистанцией. Стоит отметить, что большинство из воспоминаний, включенных в книгу, прежде никогда не публиковалось, а иллюстративный материал поистине уникален. Его источником главным образом послужили семейные архивы.

Сразу два очерка воспоминаний в разделе «От первого лица» посвящены одному и тому же участку в Лесном – на Институтском проспекте, у Серебряного пруда. Этот редкий пример дает практически стереоскопическую картину, в ней, как в капле воды, отразилась картина жизни всего Лесного...

Лесной. Старо-Парголовский пр. Открытка начала XX в.

«Краеведение бывает разным – научным, справочным, учебным, но зачастую – сухим, когда за обилием дат, фамилий, сведений и цитат не увидишь лица и души тех, кто пишет об истории города, – говорил когда-то писатель Виктор Бузинов, автор замечательных „Прогулок по Петербургу“. – Я сторонник краеведения „с человеческим лицом“, ведь увиденное, пережитое, прочувствованное в родном городе – это некий заповедный остров, ступать на который никогда не скучно. Это самое ценное, и становится еще ценнее по прошествии времени...»

Именно такой краеведческий подход мы хотим предложить и в этой книге. Ведь без всякого преувеличения воспоминания старожилов и материалы семейных архивов являются сегодня одним из важнейших и интереснейших источников изучения Лесного.

Домашние, семейные архивы до сих пор являются не до конца оцененным источником исторических исследований. Между тем именно в них попадают единственные в своем роде сведения, которые невозможно найти ни в каких других источниках. Архивы старожилов хранят уникальные тайны, они – словно живая история, в них – особый дух и настроение эпохи. Редко какой архивный материал может передать те чувства, ту теплоту к родному очагу, которыми буквально окутаны воспоминания старожилов. Более того, многие события XX века сегодня доступны только в рассказах старожилов. Нередко бывает и так, что только сопоставление

архивных материалов и воспоминаний очевидцев позволяет приблизиться к истине...

Удивительный факт: лесновцы всегда с особым пиететом относились к собственной семейной истории, а потому бережно хранили и передавали реликвии из поколения в поколение. Несмотря на лихолетье 30-х годов прошлого века, когда семейные фотографии «не тех» родственников могли стать источником больших неприятностей, и блокаду, опустошившую дома многих лесновцев, все же немало удалось сохранить и передать из поколения в поколение, а некоторые лесновские архивы представляют собой большие собрания документов и материалов.

Нигде, ни в одном другом бывшем предместье Петербурга, мне не приходилось сталкиваться с подобным явлением, с такой верностью, с такой любовью. Без преувеличения это своего рода культурный феномен Лесного. В семейных архивах история Лесного запечатлелась через судьбы людей. Каждый из них – свидетель и участник больших исторических событий. Судьба каждого из них – страничка в летописи Лесного, всего города, всей страны...

Кое-что в воспоминаниях повторяется, но они настолько индивидуальны, настолько персонифицированы, что читатель почувствует, как из мозаики воспоминаний нескольких жителей Лесного складывается единая картина исчезнувшей, но не забытой жизни...

ЧАСТЬ I ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ИЗ ДНЕВНИКА РАЗНЫХ ЛЕТ *Константин Александрович Кордобовский*¹

Об авторе:

Константин Александрович Кордобовский (1902–1988) – художник, искусствовед, педагог. «Он не походил ни на кого» и не вписывался в каноны соцреализма, поэтому в годы своей жизни был мало известен, да и не стремился к известности. «Художник должен петь своим голосом», – говорил К. Кордобовский.

Художник пережил блокаду, служил в действующей армии. Первая выставка работ состоялась в год его 70-летия, все последующие проходили уже без него. Много лет, начиная с 1935 года и затем после войны, он руководил изостудией Ленинградского дворца пионеров, преподавал в художе-

¹ Фрагменты из дневника К.А. Кордобовского публикуются по книге: С. Ласкин, А. Ласкин. Музыка во льду, или Портрет художника К. Кордобовского. СПб., 2000.

ственно-графическом училище.

Его ученики сохранили о нем память как о мудром наставнике, учившем не только мастерству живописи и графики, но и умению видеть, чувствовать и размышлять. «Ваши рассказы, что для ребят сказочный мир, – писал ему с фронта в январе 1944 года его ученик, художник Федор Смирнов. – Никогда не переживал такого желания рисовать, как после Ваших занятий».

* * *

Мамочка моя, Феодосья Федоровна Осипова (в начале XX в. – владелица дома № 50 по 2-му Муринскому пр.), родилась в семье купца первой гильдии, почетного гражданина, фабриканта Федора Игнатовича Осипова. Дед происходил из мещан. Рано потерял родителей. Грамоте научился у сельского дьячка, как говорил позже, «на медные деньги», и рано начал работать.

Когда мне было восемь-десять лет, дед отошел от дел. В это время у него уже были две «паровые фабрики шведских спичек». Одна находилась в посаде Злынка Черниговской губернии, а другая – в 25 верстах от посада, в имении Софиевка.

...Отец был врачом, по рождению костромич. Окончив гимназию с золотой медалью, он подал заявление на юридический факультет города Харькова; когда же осенью приехал

в город, то с удивлением узнал, что его зачислили на медицинский факультет, о чем он позже, кстати, никогда не жалел.

...По окончании медицинского факультета отца направили на работу железнодорожным врачом маленькой станции Сновск (недалеко от Гомеля). Там он познакомился с моей мамой и вскоре женился. Через год отца перевели на узловую станцию Бахмач. Здесь я родился 13 мая (по старому стилю) 1902 года.

Желая продолжить медицинское образование, отец решил ехать в Петербург, где его зачислили в Военно-медицинскую академию. Семья сняла квартиру на Кирочной, и отец попытался заняться врачебной практикой. Вскоре выяснилось, что частная практика не может прокормить семью, в которой родился еще один ребенок, моя сестра Лиля, а вскоре и вторая девочка, Вера. Когда отец поступил на работу в Обуховскую больницу и в больницу Марии Магдалины, благосостояние упрочилось.

Мой дед, отец моей мамы, давал за каждой дочерью по двадцать пять тысяч рублей. Правда, деньги своим зятям он отдавать не торопился, не желая их вынимать из дела, и этим связал всем руки. Вскоре разгорелась ссора между отцом и тестем. Это привело к тому, что дед, выделив нам часть денег, купил в Лесном – тогда пригороде – участок земли с домами и службами. Вот в это время наша семья поселилась на 2-м Муринском проспекте, дом 50, что явилось для нас,

детей, чуть ли не историческим событием.

Именно в Лесном отец стал заниматься частной практикой, оставив работу в казенных больницах.

...Теперь попробуем пройти по Лесному моей молодости. Вечер. Погасает прозрачное небо. Затихают дневные шумы.

Там, в вышине, между кронами старых кленов и лип, возникает серебряный пяточок месяца...

На 2-м Муринском проспекте, где уже живем, появляется фонарщик, на плече у которого небольшая лесенка, а в левой руке – бидон с керосином и лампы. Подойдя к фонарному столбу, он прислоняет к нему лесенку, затем поднимается на две-три ступеньки и заправляет лампу, протирает стекло и зажигает фонарь. Цепочка этих огней начинает уходить вглубь улицы.

Булочная Сотова с кафе на втором этаже работает допоздна. Здесь можно заказать чай, кофе или шоколад. Здесь же для посетителей стоят бильярдные столы.

Рядом, в обложенном желтым кирпичом одноэтажном доме с большим полукруглым окном, находится магазин Смолина. На углу Болотной и 2-го Муринского – канцелярский магазин Чигиринова и еще магазин мамы Лешки Лебедева. Тибо – как он числился в наших анналах.

Магазин канцелярских товаров считался магазином ребячьих радостей. Здесь, рядом с тетрадями и различными по цвету перышками для письма, можно было купить цвет-

ную гляцевую бумагу для аппликаций, палитру с наклеенными семью акварельными красками, на которых красовалась фабричная марка «Муха», выбрать из росписи небольших кружков-облаток те цвета, которые ближе твоему сердцу. Этими облатками подклеивали цветную ленточку к промокашке в тетрадь.

Поталь для золочения орехов на рождественскую елку продавалась в аптеках или у Лейбовича, или у Шлезингера. За Дубининым через несколько домов стоял кирпичный двухэтажный красивый дом с резным павлином, вверху, на фасаде. Здесь помещался первый в Лесном кинотеатр «Шантеклер». Был еще кинотеатр «Интеграл» в районе Политехнического института, но мое знакомство с синематографом произошло в здании по 2-му Муринскому, здании, украшенном резным павлином.

Первые фильмы – это что-то поразительное. Бегают по полотну экрана смешной маленький человечек. Он нелеп и суматошен. Задевая и роняя, падая и вскакивая, Глупышкин носится по отведенному ему пространству. За ним бешено летят владельцы разгромленных им вещей. Зрители заразительно хохочут – все симпатии на его стороне.

Суматоха сопровождается бравурной музыкой. Тапер, иногда взглядывая на экран, импровизирует на рояле.

Петроград - Лесной корпус, Круглый пруд.

Часовня у Круглого пруда. Фото начала XX в.

... Уже после Октябрьской революции, смотря эйзенштейновского «Потемкина», мы аплодировали красному флагу, поднимавшемуся на броненосце в эпилоге фильма. Флаг был раскрашен вручную.

Видели мы и «говорящие» фильмы. На экране, приседая и приплясывая, с руками в карманах драных штанишек, распевал забористые куплеты эстрадник, изображавший «босяка». Фильм был немой, но перед экраном, за ширмой, сидел актер, он и «создавал» звуковое оформление. В конце фильма актер в своей босяцкой униформе выходил и раскланивался перед зрителем.

В этом же зале значительно позже мы познакомились с

«трагислезливыми» мелодрамами с участием Веры Холодной, Полонским, Максимовым и королем экрана обаятельным и шикарным Максом Линдером.

У Круглого пруда – церковь, напротив – частная гимназия Лаговицкой для девочек. Центр пруда соединяется с берегом мостками с перилами. По этим мосткам в крещение шествовал священник с клиром и, взойдя на плот с беседкой, освящал воду.

У Институтского проспекта, сразу за Круглым прудом, была часовня с большой иконой Богоматери и с зажженными свечами и лампадами перед ней.

Институтский проспект пересекает 2-й Муринский. Если свернуть по нему, то около Лесного корпуса, у Песочной, – немецкая булочная и кондитерская, отделанная внутри белым кафелем. Как и у Сотова, здесь предлагался большой набор вкусных вещей: пирожные, крендели, торты и замечательные, только нами, детьми, ценимые, «подошвы». Стоила «подошва» одну копейку. Это была плотная, твердая, тонкая лепешка, спрессованная из остатков разных сладостей, оставшихся при изготовлении пирожных. Покупка «подошвы» была обязательной при направлении на прогулку в парк Лесного корпуса.

В противоположном конце Институтского проспекта стоял (он и сейчас стоит) дом профессора Кайгородова. Газеты того времени часто помещали публикации фенологических наблюдений этого ученого.

Каждый год на торжественном акте в Коммерческом училище² профессор усаживался за рояль и начинал рассказывать о природе и птицах, изображая музыкой щебет и пение пернатых любимцев...

...2-й Муринский проспект до революции был улицей докторов. На небольшом отрезке в две трети километра проживали и практиковали врачи: Александр Васильевич Кордобовский, Абрам Лазаревич Кантор, Петр Борисович Вакс, Петр Федорович Рудольский, Иван Иванович Медовиков. Значительно позже в доме Рудольского поселился Павел Григорьевич Окнов, а за Круглым прудом – доктор Культмаа.

...Лесной того времени был чудесным зеленым оазисом. Деревянные дачи и дачки стояли в глубине садов и садилов, а густые кусты сирени и клумбы с цветами украшали их. Заборчики, отделявшие семейные уголья, были невысокие, иногда с резными деревянными балясинами и, как правило, окрашенные в светло-зеленую веселую краску. У многих дач были веранды, и их цветные стекла приветливо светились в тихие весенние и летние вечера.

На 2-м Муринском работали две аптеки – Лейбовича и Шлезингера. Одна из них, Шлезингера, поражала нас, детей, строем своих застекленных старинных шкафов, витринами прилавка и матовыми флаконами с различными надписями.

² Имеется в виду Коммерческое училище в Лесном на Институтском проспекте. У него подробнее см. далее в примечаниях к воспоминаниям Г.В. Кравченко.

На окнах витрин стояли огромные грушеобразные сосуды с цветной жидкостью.

Для нас, ребят, эта аптека была особенно привлекательной из-за имеющихся в ней мятных лепешек и витых розовато-коричневых леденцов от кашля в виде скрученных цветных елочных свечей. Лекарства воспринимались как лакомства и были всегда желанными.

Наш дом находился напротив дома Кантора, но родители не дружили с соседями, что не мешало нам, детям, поддерживать не очень прочную, но все же дружескую связь. Гувернантки-немки обеих семей явно тяготели друг к другу, а значит, встречались на прогулках. Ну а мы, детвора, даже не интересовались отношениями родителей и спокойно гуляли в парке Лесного корпуса или на близлежащих зеленых улицах.

Булыжные мостовые главных проспектов – 2-го Муринского и Старо-Парголового – были непозволительной роскошью, так как остальные улицы имели обычные грунтовые дороги. Пешеходные части обычные, хорошо утрамбованные, и я совсем не помню дощатых мостков на тротуарах или известковых плит.

МУРИНСКИЙ ПР.
(Отъ № 19—21 Вы-
борскаго шоссе до
М. Ошаской ул.).

Правая сторона.

- 1—19. Васильева,
Герас. Вас.
3. Егю-же.
5. Васильева, Фед.
Вас.
7. Колбасова, Серг.
Ив.
9. Егю-же.
11. Борисовичъ
насл.
13. Щаниной, Тат.
Дм.
15. Федорова, Вас.
Ив.
17. Егю-же.
- 19—8. Дробоничъ,
Мар. Мих.
- В. Объявдная ул.
- 21—18. Глазуновой,
Над. Игн.
23. Яковлевой,
Прас. Ив.
25. Исмаева насл.
27. Ихъ-же.
29. Заблывной, Елиз.
Андр.
31. Егю-же.
33. Соколова насл.
35. Ихъ-же.
- 35а. Третьякова,
Конст. Куз.
- Институтскій пр.
37. Шорохова, Пет.
Пет.
39. Груздева, Алдра
Ив.
- 41—8. Рудольски-
го, Леон. Вас.
- Волотная ул.
- 48—7. Николаевой,
Марем. Ив.
- Косой пер.

Левая сторона.

- 2—21. Пуштина,
Васеол. Васеол.
4. Илюменевой,
Пелаг. Ал-фев.
- 6а. фонъ-Стрижъ,
(отъ же фонъ-
Штринк) Гюс. и
Ф. Вас.
8. Челмонова, Мих.
Серг.
- 9—2. Мушнко,
Мар. Мих.
- Новый пер.
- 10—1. Прихотъ для
идонъ и смр.
гвард. корп.
им. ген. Баре-
нцова.
12. Морозова насл.
14. Исмаковой,
Алдры Влад.
- 16—10. Егю-же.
- В. Объявдная ул.
- 18—15. Нестерова,
Ив. Фом.
- 20—2. Вмискиныхъ,
Аграф. и Рад.
Савел.
- Широкій пер.
- 22—1. Баренкова,
Влад. Ал-фев.
24. Шенс, Юл. Дав.
- Институтскій пр.
26. Пичачевой и
Царской.
28. Ихъ-же.
- 30—10. Разсиди-
ныхъ, Кооп. и
Никл. Алдр.
- Волотная ул.
- 32—9. Пичачевой,
Мар. Онд.
34. Егю-же.
36. Егю-же.
38. Царева, Конст.
Мако.

Список домовладельцев на 2-м Муринском проспекте из адресно-справочной книги «Весь Петербург на 1913 год» (Лесной участок, фрагмент), с. 439.

Большая часть улиц обсажена березами и липами, а некоторые из них еще имели каемку кустов желтой акации, отделявшей дорогу от тротуара.

Канавы для водостоков на части улиц отделяли земельные участки от тротуаров, и тогда перед домами у входа перекидывались деревянные мостики. Все частные участки имели кроме заборчиков солидные ворота и калитки, кое-где беседка с деревянными скамеечками нависала над проточной водой канав. Вода в канавах была только дождевой, и никакие отбросы не заполняли ее чистых прозрачных струй. Мы, ребята, любили ловить в этих канавах колюшек, маленьких колючих рыбок, которые строили в воде небольшие гнездышки, и тритонов. Добычу, пойманную сачком, помещали в стеклянные банки с песочком и красивыми камушками и, набрав тут же воду из канавы, тащили в детскую, в свой уголок.

У отца была большая практика. Его специальностью считались женские и детские болезни. Пациентов всегда хватало. Кроме приема на дому отец ходил на вызовы, и так как каждая семья в Лесном имела «своего» врача, то доктор становился довольно скоро близким человеком. Ему доверялись домашние тайны. Он знал о недугах, о горестях, часто достаточно было поговорить дружески, выслушать оби-

ды, как больной успокаивался и начинал себя чувствовать значительно лучше.

Была у отца практика среди профессорско-преподавательского состава Политехнического института имени Петра Великого, да и среди немцев-колонистов деревни Немецкая Гражданка. Вообще, Лесной того времени был пригородом Петербурга и окружен поселками-деревнями.

2-й Муринский переходил в Большую Спасскую и соединялся с Колонией Гражданка, за ней начиналась Русская Гражданка, деревни Ручьи и Мурино. Кончалось все Медвежьим станом, где был Военно-артиллерийский полигон. Старопарголовский проспект вел в сторону Удельной к Поклонной горе, Озеркам, Первому Парголову.

Жизнь врача была беспокойной. Отец говорил «Собачья жизнь! Никогда не можешь принадлежать себе ночью, в гостях: если больной – вставай на вызов, пусть и мороз, и слякоть... В полной темноте ищи дом, а потом успокаивай истеричку, поссорившуюся со своим мужем».

2-й Муринский проспект недалеко от пересечения с Малой Спасской улицей.

Фото начала XX в.

Вызовы часто бывали и к роженицам. И доктор Кордобовский, захватив маленький пузатый кожаный чемоданчик с инструментами, послав прислугу за акушеркой, неимоверно толстой бабой, шел принимать еще одного гражданина Лесного.

Утро у доктора Кордобовского начиналось с приема больных. Около девяти. Капа, наша горничная, открывала двери на звонки прибывавших пациентов. В передней она снимала с них пальто, принимала шляпы, перчатки, трости. Затем больной проводился в гостиную. На мягких, зачехлен-

ных стульях образовывалась молчаливая очередь. Кабинет был рядом. Вызывая очередного больного, доктор провожал обслуженного в другую дверь.

Кабинет был строг, но не холоден. Два окна выходили в сад. Ветви берез свисали перед стеклами. Тишина и покой окружали пациента. Большой письменный стол был покрыт темно-зеленым сукном. Солидный бронзовый письменный прибор, стетоскоп и блокнот с серебряной крышкой не загромождали его просторного, немного официального поля. Кожаный диван с резными львиными головами и такие же кресла стояли у стола и по стенам. Книжный шкаф темного дуба с медицинскими книгами и большое зеркало в резной раме темного ореха украшали стену. Между двумя окнами стоял стеклянный белый шкафчик с медицинскими инструментами. И резной, такого же красно-коричневого цвета, круглый стол. В углу скромно и незаметно приткнулся швейцарский небольшой шифоньер с убирающейся вовнутрь рифленой дверцей.

Коммерческое училище в Лесном, фото 1909–1910 гг.

Беседа врача и больного шла спокойно и обстоятельно. Выписанный рецепт скреплялся оттиском собственной печати. Никакой таксы за прием или вызов врача на дом у отца не было. Каждый платил столько, сколько мог, а иногда, наоборот, врач давал неимущему деньги на необходимые лекарства.

Закончив прием, доктор Кордобовский отправлялся на вызовы. Если визит дальний, то у отца был подряжен извозчик, который и отвозил доктора к больному. Официальных

вечерних приемов отец не имел, но если был вызов и доктор — дома, то прием происходил как обычно.

Личные рецепты врача для себя или семьи в аптеке не оплачивались. Для хозяина аптеки было важным уже то, что врач направлял в нему своих больных. Чаще врачи не лечили своих детей, а вызывали другого врача. Это диктовалось тем, что «своего всегда перестрахуешь». Врач обязан был спокойно оценивать обстановку и не нервничать около их любимца...

...Переселение моих родителей из Бахмача в Петербург было связано с желанием отца защитить диссертацию при Военно-медицинской академии...

К. Кордобовский с сестрами Верой и Еленой, 1907 г. Из семейного архива В.А.

Смирнова

Обучать меня стали рано. К нам в дом приходил гимназист-старшеклассник и занимался со мной; затем меня отдали в начальную школу сестер Морозовых, помещавшуюся в одноэтажном деревянном доме на углу Новой улицы и Институтского проспекта. В 1911 году я перешел в Коммерческое восьмиклассное училище против Серебряного пруда, тоже в Лесном.

...Последний класс в Коммерческом для меня был шестой.

Накануне Февральской революции моя мама из-за туберкулеза легких уезжает к бабушке в Черниговскую область, в посад Злынка. Я остался с отцом, так как было сказано, что «мальчику нельзя терять год учебы».

События в стране развиваются так, что на Украине появляются немцы и «гетманы», – это сразу же отрезает нашу семью.

В 1916–1917 годах отец организовал в Лесном кооперативную платную лечебницу. Лечебница разместилась в нашей бывшей квартире. Каждый врач внес пай и медицинский инструментарий. Уже на следующий год лечебница была национализирована, а затем и закрыта. Доктора остались не только без мест, но и без инструментов.

...Зеленый остров с вековыми липами и дубами. На глав-

ных улицах Лесного – 2-м Муринском, Большой Спасской, на Старо-Парголовоком – тянутся шпалеры желтой акации, они отделяют тротуары от проезжей дороги. Только около булочной – тротуар из плитника, в других же местах тротуары – из хорошо утрамбованной земли с гравием. Сады, садики – все в кустах сирени, много цветов, дорожки посыпаны песком, в клумбах прячутся полуметровые керамические гномы в красных колпаках. В центре главной клумбы – золотые и серебряные шары. Дачки и домишки с мезонинами, резными балконами летом еще украшены занавесями из широкого полотна с красной каймой.

К.А. Кордобовский (второй слева) у Театрального музея среди своих учени-

В центре Лесного, рядом с «сотовым», – несколько каменных двухэтажных домов с магазинами в первых этажах. Каждый магазин помимо богатой витрины украшен вывесками на железе, похожими на жостовские подносы. Центральная вывеска – с именем владельца – чаще всего писана золотом по черному фону, а боковые красочные картины – с изображением того, чем торгуют.

...У Чигиринова – магазин канцелярских товаров. Здесь – рай для учеников первых классов. Там же, для взрослых, имеется отдел табака, гильз для набивки папирос, сигарет в деревянных коробках с этикетками, на которых изображены золотые медали, полученные на разных международных выставках.

Когда идешь сюда, зажав в кулаке десять или двадцать копеек, то заранее предвкушаешь удовольствие от того, что увидишь. Вывески у Чигиринова – с изображением турка в чалме с огромной трубкой. Этот турок привлекал своей экзотичностью, был загадочно таинствен, говорил о чем-то, лежащем в области фантастического.

Возвращаясь домой, зажав две тетради с белой лощеной бумагой, можно было еще раз полюбоваться на турка с дымящейся трубкой.

Над аптекой висел большой черный двуглавый орел. Золотые короны украшали его головы. Герб с Георгием Победоносцем располагался в центре орла, а яркие, с позолотой, гербы всех губерний были симметрично разбросаны по поверхности раскрытых крыльев.

Вечером, когда загорались огни, свет оживлял все сосульды, и они светились, словно огромные лестницы желтого, зеленого, фиолетового или розового цвета.

Вывеска у аптеки – сугубо деловая. На черном фоне золотыми буквами были выведены: строгая надпись «Аптека» и имя владельца – «Шлезингер».

В витрине парикмахерской находились муляжи мужской и женской голов в соответствующих париках, а также вывески с изображением парикмахера и клиента.

Небольшой магазин «Венский шик» у Корольковых имел на вывесках красивые дамские шляпы с букетами цветов, птицами и изображением вишен. Мужские шляпы, форменные фуражки украшали вторую вывеску.

Город был своеобразным музеем вывесок. Мастерство некоторых из них было чрезвычайно высоким. Наивные вывески окраин создавали свое лицо лавкам и лавочникам...

ВОСПОМИНАНИЯ О РОДСТВЕННИКАХ И ДРУЗЬЯХ, О НАШЕЙ ЖИЗНИ В ЛЕСНОМ

Валерий Оскарович Кобак

Об авторе:

Валерий Оскарович Кобак (1927–2001), родился и вырос в Лесном, провел здесь блокаду, в 1952 году окончил Ленинградский политехнический институт. После окончания института по распределению попал в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова, где проработал несколько десятилетий, руководил отделом, опубликовал ряд книг и статей по вопросам радиолокации.

Сразу после института В.О. Кобак женился на своей однокурснице Ирине Васильевне Буровиной (1929–1990) и привел ее в дом на Ганорином переулке. В Лесном родились их дети – в 1952 году я, три года спустя мой младший брат Николай Валерьевич Кобак (1955–2008).

В Лесном отец прожил до 1978 года. Вне всяких сомнений, этот район был для отца настоящей малой родиной. Но не только для него. Первые Кобаки приехали в Петербург из Эстонии в конце XIX века и поселились в Лесном. С тех пор их дети, внуки, правнуки и праправнуки не покидали этих мест. Не все, конечно, – многие переезжали в другие части горо-

да, но кто-то оставался в Лесном всегда. И сейчас я, мои дети, мой двоюродный брат живем всего в нескольких сотнях метров от того места, где когда-то поселились наши эстонские предки. Без преувеличения можно сказать, что «лесновская» династия Кобаков насчитывает больше 110 лет. По петербургским меркам – срок немалый.

Отец работал над воспоминаниями с 1992 по 1994 год. Здесь публикуются (с некоторыми сокращениями) первые девять глав этих мемуаров. Начиная работу над воспоминаниями, отец написал слова, которые могут быть к ним эпиграфом:

«Мы должны знать и помнить всех, кому обязаны жизнью, кто определял нашу судьбу, кто воспитывал нас, кто давал нам счастье, кто нас любил и кого мы любили».

А. В. Кобак

Дом и двор

Воспоминания детства всегда связаны с домом, где жил, двором, садом и близлежащими улицами. Мой дом был до-революционной постройки. Первый и второй этажи были одинаковыми по числу и расположению комнат и представляли собой две квартиры, каждая из шести комнат с прихожей, кухней, уборной.

Квартиру первого этажа до революции и какое-то время

после нее целиком занимал мой дед Карл-Эрнст Магнусович Кобак с женой Марией Георгиевной (Егоровной) и сыном Оскаром. По-видимому, дед был первым съемщиком этой квартиры после постройки дома.

Оскар и Юлия, которая появилась в доме в 1926 году, произвели на свет в 1927 – меня, а в 1936 – моего брата Эдуарда. На моей памяти, т. е. в начале 1930-х годов, квартира была уже коммунальной. Наша семья занимала 3 комнаты. Так было до зимы 1942–1943 годов, когда наш дом был разобран на дрова. Таким образом, дом моего детства просуществовал около 35 лет.

В 1942 году семья состояла из трех человек: матери и нас с братом. Стояла вторая блокадная зима, голод, безотцовщина (мне 15 лет, брату 6). Перевозить нас и наши вещи было некому. Второй этаж уже разобрали, а мы все еще жили внизу, на первом этаже. Помню высокие печные трубы, 5 или 6 штук, возвышающиеся над нашей квартирой без крыши. Вещи перевезли понемногу сами, на санках, благо было не очень далеко. Много вещей бросили, часть была разворована.

Но это все было позже, а сейчас вернусь к дому моего детства. Адрес был такой: Лесной, Институтский пр., д. 18, кв. 4. Под № 18 числилось четыре дома. В первом, каменном двухэтажном особняке с зеркальными окнами, выходящем фасадом на Институтский проспект, было три квартиры. Наш дом стоял за особняком и левее. Счет квартир был

во всех домах общий.

Институтский пр., 18-2. 1910-е гг.

До революции дома принадлежали генералу Тахтареву³. В особняке жил генерал с семьей, наш деревянный дом сдавал внаем. Съемщиком первого этажа (кв. 4) был мой дед. Кто снимал второй этаж (кв. 5), я не знаю. Могу предполагать, что второй этаж был более престижным, чем первый, и там, возможно, жил офицер с семьей. Повод для догадки таков: мальчишкой я не единожды облазил весь дом, все его зако-

³ Подробнее о доме Тахтарева см.: А.В. Кобак. Особняки и дачи старого Лесного // Невский архив. 1999. Вып. IV. С. 452–455.

улки, кладовки, чердак и крышу. На чердаке, в углу, явно в потайном месте, я обнаружил офицерские погоны, пуговицы и галуны.

В начале тридцатых годов дома были коммунальными, но все оборудование сохранилось с дореволюционных времен. Дома были построены очень добротно: хорошие печи прямоугольной формы с обшивкой из гофрированного железа и литыми чугунными дверцами, электричество, водопровод, канализация со свинцовыми трубами (местная, с выгребными ямами), кладовки, подвалы, двойные входные двери.

Дверная табличка Кобаков

Генеральский дом стоит и по сей день. О нем я еще расскажу, а пока о нашем доме. Он был бревенчатый, рубленый (что выяснилось, когда его ломали), обшитый вагонкой, очень теплый. По фасаду, выходящему в сторону Институтского проспекта, было пять окон, справа – парадный вход и лестница на второй этаж. С противоположной стороны симметрично располагались черный ход и черная лестница на второй этаж. Резные входные двери были сверху застеклены. За ними шел небольшой коридор наподобие веранды. Направо – двухмаршевая лестница на 2-й этаж, налево – вход в нашу квартиру. На дверях металлическая табличка «Эрнст Магнусовъ КОБАКЪ», и еще Е. Kobak – готическим шрифтом. Табличка была снята в 1942 году, когда ломали дом. Она сохранилась.

Входные двери в квартиру были двойными с тамбуром. Дальше шла просторная прихожая, где помещались шкафчик с зеркалом, вешалка, под вешалкой громадный сундук. В сундуке хранились шубы и другие зимние вещи, а также шляпы и даже страусовые перья.

Из прихожей дверь налево вела в комнату деда. Она служила ему мастерской и одновременно спальней вместе с бабушкой. В комнате помещались: двуспальная кровать (железная, с металлическими никелированными шариками на спинках), шкафы и шкафчики с инструментами и материалами (множество!), низкий верстак для сапожной работы, письменный стол и большое кресло с высокой спинкой, оби-

тое красным бархатом. В кресло усаживались заказчицы модельной обуви. На письменном столе стоял радиоприемник, сначала старинный, а в середине 1930-х появился новый, типа СН-235. В начале войны, осенью 1941 года, все радиоприемники были у населения изъяты (та же участь постигла и велосипеды).

Из прихожей дверь вела в две смежные комнаты, первая из которых служила столовой, а вторая – спальней и детской. Так было в последние годы перед войной. Сохранились фотографии с интерьерами этих комнат. Мебель была в основном резная дубовая. Было несколько картин в золоченых рамах, золоченые карнизы и тяжелые портьеры на окнах и дверях, старинное пианино с подсвечниками, туалетный столик и трельяж, большое трюмо, столовое серебро, фарфор, бронза.

Был еще странный инструмент под названием «Pianola». Этот пневматический механизм с молоточками по числу клавиш пианино приставлялся к клавиатуре и заменял собой пианиста. Своего рода программируемый робот. В него вставлялись программы в виде широких бумажных перфолент (рулонов). Робот играл записанную на перфолентах музыку, ударяя молоточками по клавишам пианино. Правда, для игры требовалось, чтобы человек непрерывно подкачивал воздух педалью и выполнял еще кое-какие несложные операции управления. Мне казалось, что робот играл очень хорошо. Рулонов было много с самой разнообразной музыкой. Сиди и качай. Что касается пианино, то на одном из снимков, где за пианино сажу я, можно различить клеймо R&H Fibiger.

Спальня. 1930-е гг.

Почти все пропало во время блокады: было обменено Мамой на хлеб и другие продукты. Это спасло нам жизнь. Из всей обстановки тех лет у меня сохранился ореховый шкаф, пара столовых ножей «Solingen», пара серебряных ложек с монограммой «ОТ» (Ольга Туссина, моя бабушка по матери) и маленькая бронзовая собачка. В наших комнатах были еще две или три этажерки, очень красивые, на них стояли статуэтки, шкатулки, вазы с цветами. Были круглые небольшие столики с цветами, книжный шкаф (его называли «английским»), посудный низкий шкафчик, на котором стояли два самовара, швейная машина «Singer», отцовский письменный стол. На стенах кроме картин висело множество фотографий, портретов, рисунков и даже открыток, все в маленьких рамках под стеклом.

В углу столовой был отгорожен закуток, святая святых, отцовская фотолаборатория. Словом, свободного места в наших комнатах было очень мало. Думаю, много усилий требовалось для уборки этих комнат, а Мама была исключительно чистоплотной.

Отцовская фотолаборатория. 1931 г.

Из прихожей налево был проход в коридор и в кухню. По коридору находились еще три комнаты меньшего размера, где жили соседи: две рабочие семьи по три человека и одна одинокая женщина. Я их почти не помню. Больших скандалов с соседями, по-видимому, не происходило. Как я уже упоминал, до революции дед занимал всю квартиру целиком. Полагаю, что в «соседских» комнатах, выходивших окнами к сараю, в ту пору жила прислуга или наемные работники.

Кухня была довольно большой, с выходом на черную лестницу и черный ход. На кухне располагались: большая плита на четыре конфорки с духовкой, трубами для самоваров, бачком для подогрева воды и другими приспособлениями, раковина, кухонные столы. На стенах были широкие и длинные полки с котлами, кастрюлями и тазами. Там же стояли мельницы-кофемолки, сбивалки, мясорубки, ступки, угольные утюги и бог знает что еще, висели поварешки, шумовки, лопатки, щипцы, ухваты и масса других очень интересных для меня вещей.

Еще на кухне были, конечно, примуса, а перед войной появились и керосинки. Мне часто приходилось ходить за керосином и денатуратом для разжигания примусов. Хорошо помню керосиновую лавку на углу 2-го Муринского проспекта и Широкого переулка, запах керосина, продавца в клеенчатом фартуке и нарукавниках, большие жестяные воронки. Керосин откачивали из бочек в большой прямоугольный

бак, служивший прилавком. В таком же баке поменьше находился денатурат (подкрашенный синей ядовитой краской спирт).

Продавец черпал керосин из бака мерными кружками на длинных ручках. Для денатурата были кружки поменьше. Его обычно брали в бутылки, а керосин – в баклажки. В керосиновой лавке продавались еще мыло и свечи. Свечами у нас дома пользовались редко, а вот керосиновые лампы всегда были наготове из-за перебоев с электричеством.

В углу на кухне жила собака-шпиц. Их было две на моей памяти: Белка, умершая от старости, и, сменивший ее, Буян. Он погиб, спасая нашу жизнь. Мы его съели в конце первой блокадной зимы. Мама ела и плакала; брату было всего 6 лет, и он не знал, что ест; а я своих слез не помню, мне было 14 лет. Помню только, что было очень вкусно; помню еще аргумент, которым мы себя утешали: если б не мы, то его бы обязательно поймали и съели другие. В ту пору собаки и кошки были выловлены абсолютно все.

Под окнами наших комнат был сад. Шесть больших яблонь достигали ветвями окон второго этажа. За яблонями особенно не ухаживали, не подкармливали их, не обвязывали на зиму, не формировали кроны. Но яблок бывало очень много, правда, через год. Сорта были хорошие, морозостойкие, в том числе исключительно душистая антоновка. Дед любил пить с ними чай. Осенью яблоки, бывало, воровали, ломали большие суки или трясли. Отец выскакивал по ночам и гонял воров – подростков и парней. Еще в саду росли большие кусты сирени, фиолетовой и белой, коринка, ши-

повник, смородина, крыжовник. Было много цветов: лилии и дельфиниумы разной формы и расцветок, шток-роза, настурции, громадные георгины, ночные фиалки или маттиола (любимые мамины цветы). Оставалось место и для огорода: ревень, огурцы, свекла, редиска – всего понемногу. Сажали и картошку, но это уже не в саду, а на пустыре за домом с северной стороны.

Сарай с курятником и свинарником на краю участка. 1930-е гг.

За цветами ухаживали Мама и Отец, а огородом занималась в основном бабушка. Картошку сажали и собирали всем семейством. Уместно отметить, что, кроме нас, в доме больше никто не прикладывал рук к земле. В начале войны на месте нашего огорода мы выкопали блиндаж-убежище, в котором прятались во время бомбежек. Сохранилась фотография этого блиндажа. Весной 1942 блиндаж затопили внешние воды, он развалился, а мы привыкли к бомбежкам и обстрелам и перестали выходить по ночам из дома.

Кроме того, на участке были пруд и два (или три) колодца, один из них – артезианский, которые на моей памяти уже не использовались. Он размещался в небольшом павильоне. В глубине участка находилась летняя кухня. Задняя ее стена вдоль границы участка была кирпичной с дымоходами и вентиляционными каналами. Двери были двустворчатыми, широкими и высокими. Не исключено, что кухня задумывалась и как гараж. На моей памяти в 1930-е годы артезианский павильон и летняя кухня служили дровяными сараями.

Генералу Тахтареву принадлежали не только каменный особняк (18-1) и наш деревянный дом (18-2), но и еще два деревянных двухэтажных дома, также числящихся под № 18 (18-3 и 18-4). Тахтарев владел участком земли с четкими границами и рационально расположенными постройками. Площадь участка составляла около 0,5 гектара (примерно 60 м по улице и 80 м в глубину). Вдоль улицы участок огра-

ничивала металлическая решетка с чугунными столбами, воротами и тремя калитками, с остальных сторон – деревянный забор и сараи. Внутри участка имелись низкие заборы нашего сада и несколько палисадников поменьше.

В начале 1930-х годов на участке был построен еще один одноэтажный деревянный дом (18-5). По утверждению Д.В. Семенова⁴, этот дом был построен своими силами из материала разобранной часовни, стоявшей у Круглого пруда на пересечении Институтского и 2-го Муринского проспектов, напротив снесенной деревянной церкви.

Участок Тахтарева обозначался не только заборами и сараями, но и людской памятью. Жители домов под № 18 считали друг друга своими, а жителей других домов – чужими. Особенно это проявлялось среди детей и подростков. Ссоры и драки возникали, как правило, у «своих» с «чужими», и в сады за ягодами и яблоками лазили не к «своим», а к «чужим».

Скажу несколько слов о каменном особняке Тахтарева и его обитателях. Постройка особняка в основном завершилась в 1907–1908 годах. Оставались внутренние работы по оформлению интерьера и оборудование центрального калориферного отопления (по-современному – кондиционера), которое хозяин предусматривал наряду с печами. Планы осуществить в полной мере не удалось из-за начавшейся Первой мировой войны. Хозяин с семьей занимал в особ-

⁴ См. далее очерк Д.В. Семенова «Дом Тахтарева и его обитатели».

ныке весь 2-й этаж из 6 комнат, кухни, веранды и других помещений (кв. № 1). Западная комната была с большим открытым балконом, располагавшимся над черным ходом в особняк. На этом балконе, металлической клепаной конструкции с металлическим рифленным настилом, могло разместиться не менее четырех шезлонгов. Над балконом натягивался тент (после Отечественной войны балкон проржавел и был срезан автогенном).

Первый этаж особняка еще до революции был разделен на две квартиры, из трех комнат каждая. В кв. № 2 жили, по-видимому, родственники Тахтарева. Они и их потомки оставались там и после революции, вплоть до расселения дома в 1967 году. В кв. № 3 жила семья Надежды Николаевны Захаровой. До революции она держала частную начальную школу на Объездной улице. Школа сгорела. После этого Тахтарев пригласил Захарову в свой дом и выделил ей квартиру для организации начального класса и воспитания группы детей, в том числе детей самого Тахтарева. Захарова и две ее дочери, Наталья Павловна и Вера Павловна, все очень одаренные в музыке, рисовании и других предметах, какое-то время вели этот класс. Позже Наталья Павловна вышла замуж за историка и педагога Василия Ивановича Семенова. Их сын, Дмитрий Васильевич Семенов, Дима, был другом моего детства.

Семья Захаровых-Семеновых представляется мне образцом дореволюционной интеллигенции. Высокая культура,

трудолюбие и талантливость передавались и накапливались у них в нескольких поколениях. Я хорошо знал эту семью; в школе русскому языку меня учил В.И. Семенов. Единственный наследник семьи Дмитрий Васильевич жил в тяжелое для талантов время, в эпоху сталинизма. Обстоятельства жизни давили его, но хорошая наследственность сделала свое дело. Талантливый математик-аналитик, прикладной математик, программист, специалист по вычислительной технике и электронике, механик и водитель экстра-класса, мастер-универсал – людей такого разностороннего развития и такой степени мастерства мне более не приходилось встречать.

Каменный особняк Тахтарева строился хозяином с любовью и с надеждой на долгую и счастливую жизнь. Дом привлекал внимание и радовал глаз, казался уютным и в то же время строгим и даже элегантным. Полагаю, что этому способствовали прекрасные пропорции и удачное расположение дома, зеркальные окна на срезанном под 45° углу дома (окна были заложены кирпичной кладкой во время войны), решетчатая ограда и ведущая от ворот вглубь участка аллея вязов (слева) и кленов (справа).

Особняк Тахтарева, весь его облик и то, каким он был задуман, очень мне понятны и трогательны. Мне даже кажется, что, если бы я имел возможность и средства, то, наверное, построил бы именно такой или очень похожий дом для себя, своих детей и внуков. И место выбрал бы такое же тихое, за

городом. Особняк Тахтарева представляется мне воплощением уюта и стабильности, прибежищем старых друзей, тихой кабинетной работы, рукоделия. Словом, что-то вроде гималайского дома Рериха, но только в своем отечестве. Увы, все было разрушено у Тахтарева, как, впрочем, и у моих родителей, и у множества других людей.

Остановлюсь еще на двух домах участка Тахтарева. Деревянный дом под номером 18-3 был довольно большим и по-своему заметным. С восточной и северной сторон его украшали обширные веранды с цветным ажурным остеклением. Осколки этих стекол, красного, синего, зеленого и желтого цветов, очень ценились у нас, детей. Веранды были как на первом, так и на втором этаже. При коммунальной действительности на верандах жильцы сушили белье. В квартирах из 5 комнат каждая проживало по 3–4 семьи. Но дом знал и лучшие времена. Из трех деревянных домов он, судя по всему, был построен первым и служил господским домом, пока не был завершен каменный особняк. Под вагонкой он был утеплен войлоком и рубероидом, что выяснилось зимой 1942 года, когда его ломали на дрова.

На втором этаже жила семья Земляковых, занимавшая три небольшие комнаты. Семью составляли старики, муж и жена, и их взрослые (в почтенном возрасте) дети – брат и сестра. Судьба свела меня ненадолго с этой семьей в начале войны. Я познакомился с Земляковым-сыном⁵ (кажется,

⁵ Речь идет о Борисе Федоровиче Землякове (1898–1945?), геологе, археологе,

профессором (или доцентом) Лесотехнической академии) во время ночных бомбежек и обстрелов, когда мы выходили из домов и прятались в щели или просто толпились во дворе, глядя в осеннее и зимнее небо на прожектора и разрывы зенитных снарядов. В минуты затишья Земляков беседовал со мной о созвездиях, планетах, туманностях и вообще о науке астрономии. Рассказывал он очень интересно и буквально заразил меня астрономией, о которой до этого я почти ничего не знал. Потом он стал выносить бинокль, затем – подзорную трубу и, наконец, однажды вынес небольшой телескоп на треноге. Я впервые увидел кратеры Луны, диски Марса и Юпитера, великое множество звезд.

Мы стали выходить на улицу поздними вечерами уже и без угрозы воздушных налетов. Земляков стал приглашать меня домой, познакомил с остальными членами семьи. По специальности он оказался не астрономом, а геологом. Его последующие беседы со мной по геологии были не менее увлекательными, чем беседы по астрономии. Земляков подарил мне небольшую коллекцию минералов и несколько книг, в том числе «Селенгинскую Даурию», книгу о Приморском

участнике краеведческого движения в Лесном. Окончил Коммерческое училище в Лесном (1916 г.), учился в ЛПИ, окончил географический факультет ЛГУ (1926 г.), участвовал в экспедициях на Кольский полуостров, в Хибины и на Украину, работал в Геологическом комитете и в советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. В Минеральных водах попал в оккупацию, позднее его видели в Берлине, где, вероятно, он и погиб в конце войны.

крае и реке Селенге. К сожалению, все это потом у меня пропало. Не пропали только его беседы. Я на всю жизнь сохранил интерес к астрономии, геологии и археологии.

Земляков стал для меня примером ученого широкого профиля, почти энциклопедиста, прекрасного педагога и истинного интеллигента. Судьба его печальна. Весной 1942 года он выехал в эвакуацию, оказался на Северном Кавказе, попал в оккупацию и впоследствии погиб. Громадная его научная библиотека, коллекции и все вещи остались в доме. Дом сломали. У меня в памяти сохранилась такая картина: высокие печные трубы, а вокруг них грязный снег, густо перемешанный с множеством бумаг, разорванных и смятых книг, разломанных и разбитых коробок с коллекциями, с остатками домашней утвари. Все богатство, копившееся в доме Земляковых десятилетиями на стеллажах от пола до потолка во всех трех комнатах, погибло или было растащено мародерами. Спасти что-нибудь мне не пришло в голову – истощенному мальцу в 15 лет было просто не до того.

В дореволюционном Лесном, простиравшемся от парка Лесотехнической академии на юге до Поклонной горы на севере и от Политехнического института (Гражданской дороги) на востоке до Выборгского шоссе на западе, в многочисленных деревянных домах и дачах с садами и палисадниками жила в основном интеллигенция (учителя, врачи, преподаватели, ученые и др.), арендовавшая квартиры у домовладельцев. После революции домовладельцев упразднили,

а прежних съемщиков уплотнили, вселив к ним в квартиры люмпен-пролетариев и приехавших из деревни чернорабочих. В коммунальных квартирах Лесного совместно проживали и скрыто боролись, условно говоря, «белая» и «черная кость». «Белая кость» старалась удержать оставшиеся от старого привилегии в виде излишков жилплощади, мест на кухнях и в коридорах, а также кладовок, сараев и палисадников. «Черная кость», проявляя некоторое уважение к прежним хозяевам и съемщикам, старалась отвоевать из всего имеющегося больше места для себя. Казалось бы, проще всего это можно было сделать с помощью доносов. Но я о них не слышал. Время от времени «черная кость» действительно вела себя агрессивно в пьяном виде, но не более того. В основном дело ограничивалось мелкими стычками, обидными прозвищами и ссорами среди детей (меня, например, желая обидеть, всегда обзывали «чухной»).

Социальные процессы в наших домах, неестественно начавшиеся в 1920-е годы, столь же неестественно закончились в 1942–1943 годах. Практически все деревянные дома Лесного были разобраны на дрова. Некоторая часть из них была уничтожена пожарами. Со сломом домов в Лесном моя память связала трагическую судьбу Отца.

В конце 1941 года мой Отец Оскар Карлович Кобак был арестован и осужден военным трибуналом на 10 лет тюрьмы. В ту пору некоторых заключенных возили на разборку домов в Лесной. Случилось так, что среди них оказался однажды

Отец, и Мама каким-то образом узнала об этом. Заключенные под охраной солдат работали на 2-м Муринском проспекте, совсем недалеко от нашего дома. Мы, конечно, побежали туда. Маме удалось переброситься с Отцом несколькими словами и даже передать ему немного еды. Я стоял в стороне и увидел Отца сидящим на бревнах в кузове грузовика в грязном ватнике и шапке-ушанке. Он был очень худ. Грузовик тронулся, и Отец помахал мне рукой. Больше никто из нас его не видел.

Дед Эрнст и бабушка Мария

Перехожу теперь к более подробным воспоминаниям о родственниках, сначала по отцовской, а потом по материнской линии. О прадедах, к сожалению, никаких сведений сообщить не могу, кроме того, что они были эстонскими провинциалами и жили в юго-восточной части Эстонии, в городе Выру или его окрестностях.

Мой дед Эрнст Магнусович Кобак, родившийся предположительно в 1872 году, как многие эстонцы, имел двойное имя

Карл-Эрнст. Сам он предпочитал имя Эрнст, но его сын почему-то взял отчество Карлович. В детстве я слышал кроме фамилии Кобак также фамилию Кобакене, что в переводе с эстонского означало Маленький Кобак. Думаю, дед какое-то время носил такую фамилию в отличие от своего отца

или старшего брата.

Дед Э.М. Кобак. 1902–1904 гг.

По моему предположению, дед Эрнст приехал из Эстонии на жительство в Петербург вместе с женой Марией в 1890–1895 годах. Им было по двадцать с небольшим лет. В ту пору и многие годы спустя в Петербурге существовало эстонское землячество, которое, скорее всего, помогло деду с устройством на новом месте. В 1900 году дед и бабушка произвели на свет единственного сына Оскара, моего Отца. Бабушка Мария была явно крестьянского происхождения. Она сохраняла тягу к земле, к домашним животным и домашнему хозяйству всю жизнь. На старых фотографиях сохранился облик бабушки в молодости в пышной шляпе и юбках по моде тех лет. Позже она предстает в моей памяти как вечная труженица на кухне, в огороде, в сарае, очень добрая и заботливая, в старом халате и фартуке, с почерневшими руками.

Бабушка М.Г. Кобак. 1902–1904 гг.

Другое дело дед. В молодости щеголь и франт, он и в преклонные годы следил за своей внешностью, красиво одевался и ухаживал за женщинами. Происходил он, по моим представлениям, из ремесленников высокой квалификации. Был он сапожником, но не простым, а мастером по женской модельной обуви. Работал на дому, т. е. был либо частником, либо членом земляческой эстонской артели. Он получал заготовки от закройщика и других мастеров, но основную работу выполнял сам. Хорошо помню, как он принимал заказы у пышных дам, тщательно обмеряя ноги с учетом «любимых» мозолей, как работал и как потом производил примерки готовых туфель. Я не раз был свидетелем, как дед во время примерки готовой обуви поглаживал ножки своим клиентам и говорил им комплименты. А они отнюдь не отвергали подобного обращения со стороны сапожника, хотя бывали дамами видными, в чернобурках.

Э.М. Кобак за работой. 1900-е гг.

В доме было множество сапожных инструментов, материалов, кожи, деревянных колодок и каблуков, дратвы, обувной фурнитуры. Но главное, конечно, были руки мастера. Я очень любил сидеть в комнате деда, играть с инструментами и колодками, наблюдать за его работой. Сидел дед на низком стуле перед низким верстаком, изготавливаемую обувь держал на коленях. В его руках бесформенная заготовка превращалась постепенно в элегантный туфель.

Не только в сапожном, но и в столярном, и в слесарном деле дед работал отменно. Не чужда ему была даже электротехника. От деда способность к ручной работе передалась отцу, а позже – мне. Вместе с тем дед имел интерес к книгам, собирал библиотеку, приобретал произведения искусства (картины, фарфор, бронзу) и явно обладал в этом деле определенным вкусом. Картины, к сожалению, не сохранились. Их было две больших и несколько средних и маленьких. На больших картинах был изображен лес. Первую в семье называли «Березовая роща», кажется, художника Плетнева. Она изображала лес при ярком лунном свете. Чуть заметная тропинка уходила в темноту. Помнится, на картине была даже дата: 1910 год. Вторую картину называли «Буковая роща», какого-то западного художника, фамилии которого не помню, хотя табличка на раме была. Изображала лесной ручей, окруженный узловатыми буками. Думаю, она бы-

ла гораздо более старой, чем первая, возможно – середины XIX века. Была картина средних размеров, которую называли «Старик». Портрет старика с большой бородой и пронизательным взглядом, всегда направленным на смотрящего картину, немного пугал меня. Было еще 2–3 средних картины «под Айвазовского» (или копии с Айвазовского). Были картины малого размера, из которых мне особенно нравилась одна, изображавшая песчаный берег Волги, рыбацкий костерок и баржи вдали.

Очень жаль утраченных во время войны бронзовых каменных часов, скульптурной композиции «Психея с зеркалом», скульптуры «Леда и Лебедь», о которых мне напоминают старые фотографии. Должен признаться, что в молодые и даже в средние годы я был довольно равнодушен к старым вещам. Они ломались, трескались, разбивались. Я по большей части все выбрасывал, в результате разбазарил то, что уцелело после войны. Дед Эрнст, выходит, был в этом плане значительно умнее меня. Имел ли он какое-нибудь образование, не знаю, но сына своего Оскара дед учил в гимназии, привил ему уважение к старине, а позже дал возможность учиться в Лесотехнической академии.

На моей памяти в 1930-е годы дед и бабушка говорили по-русски хорошо, но с заметным эстонским акцентом. Отец говорил по-русски без акцента, поскольку родился и вырос в Петербурге. Дед и бабушка выучили Отца эстонскому языку и иногда говорили дома между собой по-эстонски. Меня

же отец эстонскому почему-то не учил, хотя у нас в доме со мной и еще двумя моими сверстниками (Модестом Калининым и Володей Кобзарем) старушка-гувернантка занималась немецким языком.

У деда и бабушки было много знакомых из числа эстонцев, проживавших в Лесном. Они встречались иногда у нас и подолгу разговаривали о чем-то, чего я не понимал. Но слушать эстонскую речь мне было интересно, меня увлекала «музыка» незнакомого языка. Похожие ощущения я испытывал и много позже, когда мне приходилось бывать в Эстонии. Жаль, что я не научился эстонскому языку. Полагаю, он дался бы мне сравнительно легко. Многие в Эстонии говорили, что я типичный эстонец, а незнакомые часто заговаривали со мной по-эстонски. Должно быть, во мне погиб голос крови.

Э.М. Кобак на велосипедной прогулке с друзьями в парке Лесного института.

1915–1916 гг.

Бабушка Мария до революции и вплоть до начала 1930-х годов давала домашние обеды. У нас обедали состоятельные люди, как я помню, только мужчины почтенного возраста, вероятно, вдовцы или просто одинокие, некоторые говорили по-эстонски. Обедали они отдельно от нашей семьи, по два-три человека. Стол сервировался по всем правилам, на белой скатерти с салфетками. Бабушка подавала и разливала. Думаю, что до революции была горничная и, возможно, кухарка. Сама бабушка готовила замечательно. Пироги и различная выпечка, самодельные колбасы и ветчина, самодельная лапша и звездочки для супов, исключительно вкусное мороженое – все это мне особенно запомнилось.

В значительной мере бабушкино хозяйство было натуральным. Кроме огорода и картошки она содержала кур и уток, порой тех и других одновременно, по полтора-два десятка. По весне бабушка сажала кур-наседок, одну – на куриные, другую – на утиные яйца. С цыплятами было все в порядке, а вот утята очень огорчали свою наседку-курицу. Через несколько дней они уже бегали вереницей на пруд, плавали там и ныряли, а бедная наседка в панике кудахта-ла на берегу. В курятник, случалось, наведывался хорек. Бывало и воровство. Помнится, в охране поголовья принимала участие собака Белка. Помогал, наверное, и я, иначе па-

мать не сохранила бы многих впечатлений о нашем домашнем хозяйстве и живности. Помню, например, как вылуплялись цыплята и утята, какие были мокренькие, как подсыхали и трепыхали голыми крылышками. Очень хорошо помню, как бабушка выкармливала больших жирных уток, насильно заталкивая в них корм круглой палочкой. Сидя на скамеечке, она по очереди зажимала уток между колен, левой рукой держала их за голову и открывала клюв, а правой – заталкивала им в глотку куски. Утки, естественно, сопротивлялись, но бабушка была неумолима. Зато утки были так жирны, что едва ходили вперевалку, а их гузки волочились по земле.

Кроме птиц бабушка выращивала поросенка, которого ждала похожая участь: он вырастал до громадных размеров и вообще не мог ходить от тучности. Живность бабушка содержала в утепленном сарае за нашим домом. Поросенка колол и разделывал специально приглашенный мясник с помощью деда или Отца там же, в сарае. Тушу подвешивали за задние ноги на балку и свеживали, кровь и потроха собирали в корыта и тазы. В это время была занята не только вся семья, но и многие соседи. Как я теперь понимаю, ничего не пропадало, включая кожу и даже щетину (последнюю дед использовал для изготовления дратвы со щетинным острием). Кишки промывались и шли на изготовление колбас, другие внутренности – для ливерных колбас и паштетов. Окорока коптились и запекались. В нашей кухне, да и во всем доме, дым стоял коромыслом. Коронным номером этой сума-

тохи было изготовление кровяных колбас, которые любили все, особенно дед и Отец. Колбасы приготавливались вареные и копченые, нескольких сортов. Особенно запомнилась мне кровяная колбаса с гречневой кашей (крупой). Увы, таких колбас мне больше пробовать не доводилось.

Дед Эрнст рано поседел, но его лицо долго оставалось свежим и жизнерадостным. Где-то в 1936–1938 годах дед тяжело заболел (паркинсонизм, как я теперь понимаю) и впал в немоощ. Он с трудом передвигался, руки и голова у него тряслись, его приходилось кормить с ложечки. В 1939 году, во время позорной финской войны, дед умер в своей постели. На Богословское кладбище его провожали кроме родственников много незнакомых мне пожилых людей, мужчин и женщин. Произносились трогательные поминальные слова, звучала эстонская речь. По моим оценкам, дед Эрнст прожил на свете 67 лет.

Бабушке Марии, кормилице нашей семьи, суждено было спасти нас (Маму, меня и брата Эдика) от голодной смерти в 1942 году. Она устроилась работать уборщицей в продовольственный магазин на 2-м Муринском пр. Там она кроме уборки помещений по вечерам собирала крошки из хлебных ящиков и остатки муки и крупы из уголков мучных и крупяных мешков. Свою добычу она приносила домой и пекла нам лепешки. Потом она простудилась и осенью 1942 года, в самый тяжелый период блокады, умерла дома от воспаления легких. Думаю, что организм ее ослаб не столько от голода,

сколько от тоски и потери надежды на свидание с сыном Оскаром. Мы с Мамой завернули бабушку в простыню, отвезли на Богословское кладбище и сами похоронили в могилу деда, сверху. Кроме нас, никто больше ее не провожал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.